

От главного редактора

Санкции: политическая риторика и экономические шоки

Лишь на первый взгляд кажется, что горячо обсуждаемые сейчас и с энтузиазмом придумываемые санкции на фоне внезапно (как будто бы) изменившейся архитектуры международных отношений имеют отношение к собственно политической системе, политическим взаимодействиям и мотивациям политических игроков на мировой арене. Конечно, на авансцене событий находится именно этот аспект, именно он предельно обостренно воспринимается в России и с удивительным энтузиазмом обсуждается в Европе и США.

Предоставим, однако, политологам анализ рациональности ожиданий и оценку реальности влияния придумываемых санкций на изменение мотивации политических решений. Нас они могут интересовать лишь в той мере, в которой определяют появление внешних шоков для национальных экономик и глобальной системы взаимодействий. С точки зрения пространственных взаимодействий наш интерес заключается в анализе вероятных воздействий этих шоков на сложившуюся к началу нынешнего противостояния пространственную структуру глобальных экономических связей.

Каковы шоки, генерируемые западными экономическими санкциями? Не станем серьезно обсуждать так называемые персональные санкции (по отношению к людям «причастным к политике Москвы и ее поддерживающим»). Они эффективны (вероятно), но в то же время декларативны и попадают комсомольским собранием (заклеймим диссидентов, несогласных с политикой «партии и правительства», и не дадим им рекомендацию для загранпоездки). Рассмотрим экономическую составляющую этого «санкционного фестиваля». В общем можно сгруппировать введенные санкции и, соответственно, провоцируемые ими внешние шоки по следующим блокам.

1. Ограничение доступа российских банков и корпораций к долгосрочным финансовым ресурсам. Вероятно, к моменту выхода в свет настоящего номера добавится еще и запрет зарубежным финансовым институтам и инвесторам покупать облигации государственного займа РФ. Это равносильно финансовому шоку. Ухудшаются условия заимствований для финансирования новых инвестиций и рефинансирования уже полученных займов, появляется необходимость изыскать внутренние (или не европейские) источники, что ведет к росту внутренней цены заимствований и, возможно, возникновению дефицита ликвидности. В любом случае это увеличивает транзакционные издержки. Увеличивается чистый отток капитала как в связи с негативными

ожиданиями инвесторов, так и в связи с увеличением стоимости обслуживания внешнего долга. Сохранение политики движения к плавающему курсу рубля при увеличении оттока капитала и усилению негативных ожиданий относительно экономической динамики при блокировании инвестиционной деятельности в ключевых секторах стимулирует падение курса рубля и впоследствии ухудшение условий внешней торговли, соответственно, параметров платежного баланса.

2. Запрет на сотрудничество по реализации проектов в ряде секторов экономики, в частности, запрет на экспорт в Россию нефтедобывающего и разведочного оборудования и технологий, осуществление совместных (преимущественно экспортных) проектов в Арктике и на шельфе. Это способно затруднить в будущем прирост товарного экспорта, соответственно, ведет к ухудшению торгового баланса и ослаблению курса рубля, сокращению экспортных доходов бюджета, снижению уровня спроса в экономике, сбоям в цепочке инвестиционных трансфертов по всей экономике и крушению сложившейся системы аллокации доходов.

3. Запрет на экспорт в Россию технологий «двойного назначения», что чревато прогрессирующим отставанием технологического уровня, торможением модернизации во всех сферах экономики и промышленности, падением и так невысокой эффективности, то есть повторением всех тех болезней, которые лежали в основе «летального исхода» для экономики СССР. Кстати, сама Россия в 2013 г. фактически усугубила потенциальный шок от блокирования технологических заимствований, разгромив фундаментальную науку в ходе «реформы РАН».

Есть и разные экзотические фантазии из области «и мы тоже верно-подданные и очень страшные», имея в виду запрет Австралии на экспорт в Россию урана, угроза Украины перекрыть транзит в Европу, предложение Великобритании отключить Россию от системы SWIFT и т. п. По этому поводу можно иронизировать, но гораздо серьезнее проблема «шоков обратной связи» – вынужденная или невынужденная реакция на прямые шоки: развертывание мощностей, замещающих выбывающее предложение в ВПК; создание дублирующих платежных систем; предстоящее оборудование российско-украинской границы; докапитализация банков; затраты на введение ответных санкций.

Обращает на себя внимание асимметричность оценок в ходе бурного обсуждения проблемы санкций и ответных санкций.

Превалирует политический аспект проблемы – смогут ли санкции заставить Россию изменить свою политику? Логика этих обсуждений выглядит довольно наивно: санкции ухудшат состояние экономики России, государство не сможет выполнять социальные мандаты, общественная оценка вла-

сти упадет, и власть, реагируя на это, изменит внешнюю политику, согласуя ее с эталоном, которого придерживаются страны, вводящие санкции. Наивность этих ожиданий связана с тем, что, во-первых, предполагается моментальный негативный эффект самих санкций и, во-вторых, столь же мгновенный социальный отклик на этот эффект.

Первое неверно, потому что даже для выведения не очень большой, но все же достаточно мощной экономики просто из состояния равновесия, учитывая при этом наличие резервов, нужно довольно много времени. Это время еще более увеличивается, если целью является перевод этой экономики в состояние нового равновесия, в котором ее качество и динамика будет много хуже, чем в начальном равновесии. Например, в 1990-е гг. для перехода в состояние гистерезиса России понадобилось 3–4 года, но толчком служили поистине катастрофические обрушения институтов, развал всей финансовой системы, перестройка экономической структуры, системы рынков, социальных контрактов и прочее.

Второе неверно все из-за той же инерции большой системы, что усугубляется еще и «защищенным» характером социальных обязательств, то есть даже при серьезном ухудшении общеэкономической ситуации равновесие в социальной системе будет сохраняться значительно более длительное время.

Но главная проблема, заставляющая усомниться в рациональности подобных ожиданий, заключается в неопределенности политической цели самих санкций — совершенно неоднозначен ответ на вопрос об «эталонной политике», то есть какова та самая «новая политика», которой должна быть привержена Россия, чтобы санкций избежать. Не станем повторять многочисленные банальности относительно двойных стандартов и «международного права», гуманитарной миссии и «демократического выбора», их предостаточно обрушивают на нас СМИ, причем со всех сторон. Ответа на главный вопрос — при каких политических решениях санкции будут сочтены выполненными свою роль — нет. Дипломатические и медийные дуэли сводятся к тому, чтобы убедить публику какая из дестабилизаций «правильная»: та, что была в феврале, или та, которая началась в марте. Публика уже достаточно разделена этими дуэлями, в которых в качестве оружия используются манипуляции с информацией. Собственно исход этих дуэлей предрешен. Шансов у России продвинуть свою версию в западных СМИ нет, но и у западных СМИ шансов продвинуть свои версии в основной массе российского населения — тоже никаких. Каждый продолжает работать со своей аудиторией и очень «успешно». Этаким футбол, в котором каждая команда состоит из 11 нападающих, которые на своей половине поля стараются за 90 минут забить в незащищенные ворота как можно больше голов. Победит та команда, у которой припасено больше мячей, в данном случае телеканалов, радио-

станций, тиражей газет, Интернет-ресурсов, кабельных сетей и пр. Конечно, перевес на стороне Запада. Но каждый остается при своем мнении. Нельзя вернуться в прошлое. Следовательно, каждая сторона по своему представляет себе «правильную» политику. Игра в санкции продолжается, ибо другого способа убеждения не придумано. Эта игра может затянуться, ибо ставка делается на «победу», а не на компромисс.

Предположительная долговременность игры в санкции означает, что шоковый эффект для экономики России будет накапливаться и может достичь критических значений в ряде областей. Но это же предполагает интенсивные поиски способов нивелировать или ослабить шоковые эффекты уже самой Россией, во всяком случае постараться не допустить критического накопления негативных воздействий. Тем более, что сам конфликт имеет ярко выраженный «блоковый» характер. Задействованы в нем ЕС с «примкнувшими» Норвегией и Швейцарией, США, Канада, Австралия и Япония. С экономической точки зрения это много – без малого 55% мирового ВВП. Но почти половина мировой экономики, с другой стороны, остается полем для маневра. И это создает искушение и возможность поиска оптимальной стратегии реакции на санкции. Принципиально их две: 1) терпеть и использовать внутренние резервы в надежде на кратковременное противостояние; 2) задействовать имеющиеся возможности для замещения сложившихся внешних связей (торговых, кооперационных, финансовых, технологических). Реальностью, конечно, является следование смешанной стратегии.

Именно эта стратегия и становится все более очевидной. Конечно, весьма наивно было предполагать, что экономическая и политическая система России, система ее внешних связей будет оставаться неизменной в своих реакциях на внешние возмущения. Впрочем, эта наивность основывалась на поведении самой России¹. Вероятно, такое предположение все-таки было бы верным, если бы «санкционный импульс» действительно был бы кратковременным. Но, судя по всему, санкции воспринимаются как долговременный шок. Как отмечалось выше, в некоторых сегментах экономики и торговли это, очевидно, так и есть. Соответственно, система старается перестроиться на новые связи, новые механизмы, изменить структуру, контуры обратных связей и пр.

Одним из явных свидетельств такой перестройки являются «антисанкции» со стороны России. Они на первый взгляд имеют реактивный характер, характер кратковременного рыночного возмездия и явно ориентированы на «целевую» аудиторию – фермеров, которые имеют большое влияние в ЕС

¹ «Совершенно неадекватная реакция Запада на наши контрсанкции связана как раз с тем, что мы никогда не отвечали» [Хазин М. О санкциях и достоинстве. URL: <http://vz.ru/opinions/2014/9/1/703311.html>-3.09.2014].

на политический истеблишмент. Если это так, то политически такое предположение выглядит довольно наивно, так как лишь в некоторых странах кратковременный шок от потери российского рынка будет ощутим и то в ограниченном сегменте сельского хозяйства и пищевой промышленности, причем это как раз те страны, за исключением Польши и стран Балтии, которые как раз и не являются лидерами в санкционном угаре, а только «попутчиками». Экономически ущерб для ЕС ни номинально, ни относительно не сопоставим с ущербом РФ от санкций со стороны ЕС, а неевропейские страны вообще мало затрагиваются этими контрмерами.

Но связанные с этими контрсанкциями перестроения подразумевают быстрое и активное переключение на новых поставщиков продовольствия, а следовательно, автоматическое изменение ценовых параметров и логистических схем. Это — долговременное действие, которое приведет к перестройке конфигурации части внешнеторговых связей России. За этим должны будут последовать перестройка инвестиционных и производственных программ в новых странах-поставщиках и перестройка сельскохозяйственных программ в сегодняшних странах-поставщиках, чтобы снизить чувствительность их производителей к колебаниям спроса на российском рынке. Фактически санкции в течение некоторого времени потеряют свой шоковый потенциал, а проблемы структурного и финансового характера для российского рынка сохранятся.

Это относится и к наблюдаемой реакции в других областях (финансовой, технологической, энергетической, ВПК). Переключение с внешних на внутренние ресурсы неминуемо вызовет долговременную и масштабную перестройку пропорций цен, доходов, технологических цепочек, структуры инвестиций, макропропорций экономики, экономических и политических мотиваций, даже коррупционных схем. Результатом станет перестройка географической и технологической структуры взаимодействий. Такая перестройка фактически уже стала явью в сфере энергетических рынков. Контракт с Китаем на поставки природного газа, предварительные переговоры относительно транзита российского газа в ряд стран Восточной и Южной Азии, намерения развить производство СПГ на востоке России свидетельствуют если еще не о замещении европейского рынка азиатским, то о существенном повышении доли последнего, что может в перспективе существенно изменить условия конкуренции, транспортные потоки и даже технологические условия энергообеспечения целых регионов мира. Сейчас нельзя поручиться за то, что все это не приведет к необратимым изменениям геоэкономических и геополитических структур и связей.